

Альберт Шакиров

151

Я хотел бы назвать
экстраординарного поэта
современного российского
авангарда – Геннадия Айги.

Роман Якобсон

Тот самый Айги

Альберт Шакиров (1964) родился в г. Козловке Чувашской Республики. Окончил исторический факультет КГУ, аспирантуру Института языка, литературы и истории АН РТ, режиссёрский факультет ВГИКа. Автор исторических, литературоведческих, культурологических публикаций в СМИ Казани, Москвы, Берлина, Стокгольма...

21 февраля 2006 года после продолжительной болезни и мучительного лечения ушёл из жизни гениальный российский чувашский поэт Геннадий Николаевич Айги. Эта утрата для чувашской поэзии сопоставима с потерей для русской – Пушкина и Хлебникова.

Геннадий Айги родился 21 августа 1934 года в чувашской деревне Шаймурзино Батыревского района Чувашской Республики.

До 1969 году он носил фамилию Лисин, доставшуюся в процессе русификации чувашских фамилий его отцу-учителю, переводчику Пушкина на чувашский язык, погибшему на фронте в 1943-м.

Айги – это псевдоним, в действительности – родовое имя – «Хайхи» (в переводе «вон тот», или «тот самый»), которое один из его предков произносил, опуская начальный звук, так возникло семейное прозвище Айги.

Начав писать стихи по-чувашски, Айги опубликовал свои первые произведения в 1949 году. Тогда же он поступил в Батыревское педагогическое училище.

В 1950-м начинающий поэт знакомится в Чебоксарах со знаменитым поэтом Педером Хузангаем, который советует ему после окончания училища ехать в Москву и поступать в Литературный институт.

Став студентом Литинститута, Айги занимается в творческом семинаре Михаила Светлова, пишет стихи одновременно по-чувашски и по-русски. Большое значение для духовного становления Айги имела встреча с Борисом Пастернаком, который посоветовал молодому поэту писать стихи предпочтительно на русском языке.

С 1960 года Айги постоянно живёт в Москве. Работает в музее Маяковского, где участвует в организации выставок Малявина, Татлина, Шагала, Лисицкого и других мастеров русского авангарда.

В то же время он продолжал трудиться на благо чувашской культуры: в 1968-м выпустил в своём переводе на чувашский язык антологию «Поэты Франции», в которой представил стихи французских поэтов XV–XX веков. Впоследствии Айги выпустил на чувашском антологию «Поэты Венгрии» и «Поэты Польши».

Составленная Геннадием Айги и снабженная его предисловием антология чувашской поэзии выходила в переводах на французский, английский, итальянский и венгерский языки.

Долгое время русские стихи Геннадия Айги печатались только за рубежом.

С начала 1960-х годов стихи Айги стали публиковаться в переводах на иностранные языки. Сборники его поэзии выходили во Франции, Великобритании, Германии, Швейцарии, Нидерландах, Дании, Швеции, Чехословакии, Польше, Югославии, Болгарии, Турции, Японии ...

Будучи хорошо известен за границей, Айги впервые смог выехать за рубеж только в 1988 году. С тех пор он принимал участие во многих международных поэтических фестивалях, симпозиумах и культурных акциях.

Кульминацией всемирного признания поэтического дара Айги стало его выдвижение в 1991 году Французским центром сравнительной поэзии на Нобелевскую премию по литературе. В своей книге «Айги» французский литературовед Леон Робель приводит текст этого документа:

Членам Королевской Академии Швеции

Господа Академики!

Переводчики и исследователи творчества известного поэта Геннадия Айги обращаются к вам с предложением поддержать его выдвижение на соискание Нобелевской премии.

Творчество Айги, переведенное сегодня более чем на 20 языков, - это не только его личный вклад в чувашскую литературу, но и в мировую поэзию.

Выдвижение это знаменует собой выход на мировую арену маленького азиатского народа, до сих пор остававшегося на обочине основных течений культуры.

В самом деле, творчество Айги, чуждое какой бы то ни было декоративной фольклорности, смогло глубоко впитать ценности и символы древней чувашской культуры. В гармоничном синтезе с неоспоримыми достижениями поэзии XX века (в особенности, французской и русской) оно смогло значительно и естественным образом обновить русский поэтический язык, воспевая человеческое братство, уважение к природе и нерушимой свободе духа. Айги, наряду с Бродским, вслед за Цветаевой и Белым, внёс наиболее заметный вклад в развитие русского поэтического синтаксиса. Отсюда его волшебный и завораживающий ритм.

Никто в наше время, без сомнения, не смог лучше прославить творческое действие сна и отцовские чувства. Его творчество великолепно передает совершенно особую красоту пейзажей районов Средней Волги.

В то же время всей своей деятельностью переводчика на чувашский язык французской, польской, венгерской поэзии, всеми своими статьями и эссе и своей антологией чувашской поэзии Айги способствует сближению культур и взаимному познанию народов.

Наконец, в то время, как сами корни культуры хиреют из-за повсеместного падения уровня владения иностранными языками, Айги своей поэзией утверждает высокое достоинство языка и дает блестящий пример его всё время обновляющихся возможностей.

Таковы кратко изложенные причины, которые заставляют нас думать, что Шведская Королевская Академия сможет гордиться

принятым во благо культуры решением, если назовет Айги лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Отдельная тема – отношение Айги к татарам и исламу. В райцентре Батырево, где он учился в педагогическом училище, половину населения составляли татары. Так что ещё со времён своей молодости Геннадий Айги много общался с татарами. Со многими из них его связывали прочные дружеские связи. Он перевёл на чувашский язык стихи великих татарских поэтов Габдуллы Тукая и Хади Такташа. В то же время происходило его знакомство с традиционной татарской мусульманской культурой.

Позже поэт проникся очарованием другой мусульманской республики – Дагестаном. Достаточно серьёзно изучал ислам, историю жизни имама Шамиля, что называется, с карандашом в руке читал Коран. От этого периода осталась незавершённая поэма «Мавлит».

В 70-е годы по сценарию Айги на Казанской студии кинохроники режиссёр А. Седых снял документальный фильм о классике чувашской литературы Константине Иванове, используя музыку Софьи Губайдуллиной. В свою очередь Губайдуллина написала музыку к серии романсов на стихи Геннадия Айги. Чтобы проследить связи великого поэта с Казанью, ещё раз обратимся к книге Л. Робеля: «В марте 1999 года Айги должен был приехать в Париж, чтобы участвовать в «Весне поэтов» – большой национальной акции, возрождённой при поддержке Министерства культуры

и Министерства образования Франции. Но он не смог приехать, задержавшись в Казани, где в то же время проходила большая выставка художника Игоря Вулоха, уроженца Казани.

Следует отметить, что весной 1999 года выставка Игоря Вулоха «Метафразис: магия линий и звуков» (пять графических серий художника, иллюстрирующих поэзию Геннадия Айги и крупнейшего современного шведского поэта Тумаса Транстремера) с большим успехом прошла в Национальном культурном центре «Казань».

В 2000 году казанский кинорежиссёр Марина Разбежкина по заказу ТВ-канала «Культура» сняла документальный фильм «Айги». Основные съёмки происходили в деревне Денисова Гора Тверской области, где находилась дача семьи поэта.

Последняя крупная акция Айги – проведение Международного поэтического форума «Скандинавия – Волга». 1-й Международный фестиваль поэзии прошёл в 2005 году в Чебоксарах.

На следующий год Айги мечтал начать поэтический фестиваль в Казани и завершить его в Чебоксарах. Но уход из жизни Геннадия Николаевича приостановил работу над этим проектом, и данный фестиваль прошёл в Москве и Чебоксарах. В дальнейшем у Казани есть возможность осуществить планы Айги – начать у себя очередной Международный фестиваль поэзии с приношением ему имени Геннадия Айги, что только подчеркнёт дружеские взаимоотношения литератур народов Поволжья.

В качестве постскриптума хочу привести слова известного чувашского культуролога и литературоведа Атнера Хузангая о творчестве Айги: «...Если поэт Айги в обыденном диалоге может быть весьма словоохотлив и велеречив, то в своей поэзии он оперирует простым и прозрачным языком. Стихотворения-тексты его основной книги («Жизнь – Книга, одна Жизнь – одна Книга», – как писал в своё время сам поэт) колеблются в рамках больших жанров оды и элегии, но в разные годы он тяготел и к минималистской форме выражения. Две-три строки, несколько слов, или даже одна буква – фонема «а». Леса и Поля как основные пространства Айги, в которых проявляется «сакральное действие» его поэтического слова, минимализируются до отдельных субъектов – деревьев, цветов, травки, бабочки. И они также способны притягивать к себе основные стихии, определяющие силовые линии топологии Айги. Воздух, кровь, рябина как знамя, свет, звёзды, солнце, шествие Бога среди сосен. Все ориентиры поэтического мира Айги конспективно представлены... но они не были бы частями этого мира, если бы от земной поверхности не устремлялись к небу. Духовная вертикаль, «чистое зрение Бога» определяют структурную прозрачность его текстов. Поэт верит в «неотъемлемую чудесность» природы, понимая мир как «объятия Бога».

Предлагаю «Казанскому альманаху» для публикации первую часть стилизации чувашских и татарских песен Николая Айги из его книги «Поклон пению».

Альберт Шакиров

Поклон пению

Часть первая

*Тридцать шесть вариаций
на темы чувашских и татарских народных песен
(1988–1991)*

... закончив, они смотрели на меня,
охваченные своей песней.

Н. Гарин-Михайловский

156

I

Золотая проволока – фигура твоя,
о, из алого мельканья
лицо,
выше – шёлковый воздух.

II

Был конь у меня, –
хоть растянись ты на нём и поспи!
На крупе могла, не расплёскиваясь,
держаться вода.

III

Мама в гости меня отпустила,
чтоб я покачивалась,
словно жертвенный котёл над огнем,
в пеньи – пред вами.

IV

В доме у бабушки
медным огнём освещает лучина,
всё равно занимаюсь: золотом горит рукоделье!
Не надо чужого огня серебряного.

V

А тень её там, всё за той же оградой,
завтра пойдешь – не застанешь,
тогда-то в тебя
войдет навсегда её облик.

VI

Стан мой – фигура татарская!
Видимо, слишком разошлась среди вас, –
в пляске очертанья она растеряла
фигуры татарской.

VII

Поплакала ты и притихла,
и теперь одиноко белеешь в сеньях,
как шёлковая нитка
в ушке игольном.

VIII

Вышивки – в танце – на вас!
То ли кланяются васильки,
то ли
щебечут ласточки.

IX

Остановитесь у ворот полевых,
приподыму я колпак мой,
пусть мои кудри еще поблестят вам
в поле родном.

X

Стан мой лёгкий, глаза мои чёрные
в этом огне хоровода родного
горят, быть может,
в последний раз.

XI

Не уменьшить мне боль,
полдуши в этом поле оставив!
Молчу я, и лишь за холмом, как ребёнок,
громко плачет куница.

XII

Прибыли мы за невестою
с сердцем белым,
сделаем свадьбу
белее снега.

XIII

Если запустить моё пенье
ладом скользящим,
лучшая песенка выкатится
клубком золотым.

XIV

Кружась всё быстрее,
родные остаются луга,
значит, в деревне уже не вмещается
отныне мой тоненький стан.

XV

Что ж в ожидании нас
белым полотном не застлали ваш двор?
И монету серебряную не прикрепили
ко лбу вашего дома.

XVI

Танцуя,
в бусы превратим кирпичи этой печи,
серебряные в ней загорятся
дрова.

XVII

Задрожали
верхушки берез,
как белая луна, появляется
невеста в воротах.

XVIII

Есть – песенка среди трав на лугу,
пойти ли к ней и запеть ли,
иль принести вам сюда
и спеть – на прощанье?

XIX

Вот, уже исчезают
в поле, среди ковылей.
Уже не слышно бубенчиков.
Мы как птицы стоим.

XX

Всё настойчивей зов одинокий
иволги – за околицей,
подружки невесты задвигались,
как овсяные снопы золотые.

XXI

Голос мой тонкий, как голос кукушки,
ветром потом отнесет
долго звенеть
рядом с оставленным домом.

XXII

Ах, и золотистые мы, и алые!
Проехав при свете листа кленового,
въезжаем
при свете пшеничной стерни.

XXIII

Отправилась милая в путь, и чёрная ласточка
навстречу ночи
мчится – по крыльям лия
ручьи дождевые.

XXIV

А богата была – девятью походками:
чередовались – играли!
Потом
жизнь оставила – только одну.

XXV

По этому полю проедем
от края до края,
каждый лепесток каждой ромашки
приподымая.

XXVI

Встречая меня,
отец мой раскатывается, как шелковый тюк,
скатывается обратно,
меня проводив.

XXVII

Никто, ничего, ни о чем,
так и проходит мой век,
вода течёт, – никто не спрашивает:
«Как ты течёшь?»

XXVIII

Мама, на подоле твоём
все следы – от подпрыгивания
детских ножек моих!
Дай, лицом прикоснусь.

XXIX

Точно конопляное поле отцовское,
ровны лесные вершины,
плывёт моя песня над ними,
будто поёт это – лес.

XXX

В поле – зеленого жаль,
жаль – золотого над полем!
Брат мой, стареем,
седеем, как синие бусы.

XXXI

Принесли мы изящество ног,
чтобы
в памяти вашей оставить!
Разрешите нам пляску последнюю.

XXXII

Давно уж не видно деревни,
а окна отцовского дома
трещинами в рамах свистят,
призывая – вернуться.

XXXIII

Мама, начнёшь подметать ты горницу,
может быть, вспомнишь меня,
споткнешься
и перед дверью заплачешь.

XXXIV

Горит свеча,
не видимая глазу красной лисы,
прощайтесь, – очертанья души моей юной
пребудут средь вас.

XXXV

Хватит, покружились мы здесь,
как звонкие монеты серебряные,
поклонимся, – согнемся пред вами,
как белые деньги бумажные.

XXXVI

И там, где стояли мы,
пусть останется
свечение – нашего
благословения.

